

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ВЛАСТИ

Средневековая культура обеспечила развитие многих институтов современной Западной Европы. В частности, и генезис авторитета власти относится к данной эпохе. Его становление, в свою очередь, было обусловлено деятельностью университетов. Именно выпускники юридических факультетов составили основу нарождающегося государственного чиновничества и сформировали пространство соответствующей бюрократической документации. Письменный закон стал фундаментом социальных отношений и полномочий власти в структуре средневекового общества. Университетское образование приобрело статус кода доступа к системе власти. Образованные люди, получавшие необходимые лицензии и научные степени, поддерживали и утверждали ее значение. Кроме того, в схоластической науке сложилась особая риторика власти, обусловленная политической теорией Аристотеля. Государство и полномочия короля стали рассматриваться через призму идеи «общего блага» и естественной необходимости для существования человека. Все это и определило формирование языка власти в эпоху высокого Средневековья.

The medieval culture has determined development of many institutes of modern West. In particular, and the genesis of authority of power attribute to the given epoch. It, in turn, was caused by activity of universities. Namely the graduates of faculties of law have made a basis for bureaucracy and have generated the appropriate state documentation. The written law has become the base of the social relations and authority of power in structure of a medieval society. The university education was got the status of a code of access to the system of power. The educated people receiving necessary licenses and scientific degrees have supported and asserted importance of authority of power. Thus medieval science has developed special rhetoric of power caused by the political theory of Aristotle. The state and power of the king was considered through a prism of idea of «common good» and natural necessity for existence of man. All this has determined of formation of language of power in epoch of a high Middle Ages.

Средневековая культура обеспечила утверждение многих важнейших институтов и традиций современной Европы – это Церковь и христианская религиозность, университеты, парламенты, уклад городской жизни, принципы личностного самосознания и нравственности. Эта эпоха в значительной мере определила и развитие системы властных полномочий. Ее становление в период Средневековья было обусловлено жестким противостоянием двух господствующих ветвей – духовной и светской. Оппозиция Церкви, власти пап, с одной стороны, и монархии, власти королей, с другой, центрировали напряженность политического пространства средневековой Европы. И именно в горизонте данного противоборства утвер-

ждался и оттачивался дискурс власти как таковой.

Основой, фундаментом силовых проекций властных полномочий являлся, как известно, письменный закон, юридическое уложение, вписанное, согласно с требованиями канцелярских процедур, в соответствующий раздел системы документации. «Без письменности, – утверждает немецкий социолог Никлас Луман, – было бы невозможно выстраивать комплексные цепи внутри политико-административной бюрократии» [2, с.15]. Но такого рода язык права мог быть разработан только в научных структурах университетского сообщества и должен был поддерживаться необходимыми позициями ученых степеней и лицензий. Канце-

лярия и университет оказались в то время социально родственными образованиями, и именно круг чиновников, пришедших из университета, задает, как подчеркивает Норберт Элиас, «первичную инстанцию формирования языкового потока» [4, с.181]. «Период образования и развития университетов на самом деле, – отмечает Ж.Ле Гофф, – совпадает с периодом развития, специализации и выработки техники государственной службы» [1, с.126]. Университет стал, по сути, особой инстанцией власти между Церковью и королем, умело играющей на противоречиях и поддерживающей то одну, то другую из сторон. Жак Ле Гофф в этой связи пишет, что «знание, воплощенное университетами, очень скоро приняло вид силы, порядка. Это была ученость, вознесшаяся наравне со священством и властью» [1, с.129]. Университетская *scientia* кодифицировала и упорядочивала саму власть, став своеобразным шифром доступа к системе ее функционирования, не понятным не только для простолюдина, но и подчас для знатного сеньора. В этом, в частности, заключалась особенность средневековой схоластики с ее сложнейшим вокабулярием всевозможных ученых терминов и тонких дифференций. В определенном смысле, она развешивала проекцию языка властных полномочий, который был недоступен для непросвещенных.

Образованные клирики выступали в качестве посредников в отношениях между Церковью и светскими правителями, между феодальными сеньорами и городскими коммунарами, между сервами и кнехтами. Нередко шарлатаны в одежде клирика где-нибудь на ярмарочной площади готовы были дать необходимый совет или написать нужную бумагу за умеренную плату любому простофилю. Ученые юристы присутствовали на заседаниях палаты лордов английского парламента, велико было влияние партии Сорбонны и во французских Генеральных штатах. Вчерашние школяры, выпускники средневековых университетов, постепенно превратились в государственных чиновников, так называемых «*homines novi*», которых в разных странах Европы королевская власть активно привлекала на службу, про-

тивопоставив статус образованных людей феодальной аристократии крови. Примечательно, что монархи всесторонне поддерживали развитие университетских корпораций; конфликты со светской властью, если и возникали, то имели частный характер. При этом сами университеты контролировались, прежде всего, Церковью.

Вместе с генезисом европейских городов, пользуясь терминологией Пьера Бурдьё, поле бюрократического габитуса только расширялось, став субъектом особой заботы городских бюргеров и символом их независимости. «Обретение городом письменного правового свидетельства, отразившего и закреплявшего его статус, само по себе являлось величайшим достижением освободительного движения», – утверждает Н.А.Хачатурян [3, с.326]. Доверию честному слову благородного человека был противопоставлен четкий и ясный письменный контракт. Однако на протяжении многих столетий сельские жители по-прежнему прибегали, преимущественно, к устной форме договоренности, особенно в отношении брачных соглашений, что вызывало сумятицу церковных судов при разрешении семейных тяжб. Безграмотные крестьяне не желали, в принципе, признавать процедуру письменного договора, усматривая в нем причину своих несчастий и бед и широких возможностей для уловок и прямого обмана со стороны феодала, поэтому они с неизменным упорством сжигали различные документы во время народных восстаний.

Мощная система средневекового университетского образования инкорпорировала постулаты схоластического дискурса в сознание студийзусов. Она была призвана соответствующим образом упорядочивать и программировать процедуры мышления школяров. Для включения в корпорацию ученых, получения степени и обретения статуса интеллектуала требовалось пройти серьезные испытания – сдать экзамены и выступить на публичном диспуте. Необходимо было продемонстрировать знание огромного количества авторитетных источников и уметь использовать логические приемы. Такого рода действия и навыки симво-

лизировали определенные коды к топографии образованного человека в системе социальной иерархии средних веков. Одновременно они открывали возможность для карьеры чиновника, являлись своеобразным доступом к проекции властных полномочий.

Распространение трактатов Аристотеля, в частности «Политики», сформировало в рамках схоластического дискурса новую риторику власти, исходным основоположением которой явилось признание того, что государство в качестве социального института представляет собой необходимый момент человеческого существования. Это произвело подлинную революцию в понимании системы государственной власти. Прежде в ней видели лишь механизм сдерживания зла, присущего человеку после акта грехопадения. Согласно Августину Блаженному, даже христианский правитель предназначен только для того, чтобы минимизировать последствия первородного греха в рамках человеческого сообщества. Теперь возникает принципиально иной язык философских определений власти, разрабатываются разные стратегии ее толкования, появляются специфические проблемы соотно-

шения форм правления и возможности их совмещения, ставится вопрос о привлечении народа к решению государственных задач, формируется контрактная теория деятельности короля. Таким образом, королевская власть получила необходимую поддержку и обоснование с высоких позиций университетской учености. Это предоставляло ей весомые козыри в противостоянии как с Церковью и папством, так и с феодальными аристократическими элитами, тем самым преодолевались патернализм и понимание сугубо религиозного предназначения светской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
2. *Луман Н.* Власть. М.: Практика, 2001.
3. *Хачатурян Н.А.* Политическая организация города // Феномен средневекового урбанизма / Отв. ред. А.А.Сванидзе. М.: Наука, 1999. (Город в средневековой цивилизации Западной Европы; Т.1).
4. *Элиас Н.* Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М., СПб: Университетская книга, 2001. (О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования; Т.1).